

В. А. Зверев, Т. Г. Недзелюк

**РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ КАРТИНЫ МИРА
(ПО МАТЕРИАЛАМ КАТОЛИЧЕСКИХ ОБЩИН СИБИРИ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.)***

Опубликовано: *Зверев, В. А.* Роль образования в формировании картины мира (по материалам католических общин Сибири конца XIX – начала XX в.) / В. А. Зверев, Т. Г. Недзелюк // *Философия образования*. 2011. № 5 (38). С. 227–232.

В. А. Зверев, Т. Г. Недзелюк (Новосибирск)

Статья посвящена анализу роли образования в формировании картины мира. В качестве объекта исследования выбраны католические общины Сибири конца XIX – начала XX в. Рассмотрены мотивация к обучению, легитимность процесса получения конфессионального образования, методика преподавания Закона Божьего и ряда других учебных дисциплин. Сделаны выводы о специфике религиозного образования, о влиянии образования на формирование ментальности обучающихся.

Ключевые слова: воспитание, мировоззрение, факторы формирования картины мира, мотивация к обучению, система образования.

**THE ROLE OF EDUCATION IN THE WORLDVIEW FORMATION
OF SIBERIAN AFFILIATIONS (ON MATERIALS OF CATHOLIC AFFILIATIONS OF
SIBERIA IN THE END OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES)**

V. A. Zverev, T. G. Nedzelyuk (Novosibirsk)

The article is devoted to the analysis of a role of the worldview formation. The target of the reearch is catholic affiliations of Siberia in the end of the XIX – the beginning of the XX centuries. Motivations for training, legitimacy of confessional education process, a technique of teaching Scripture and some other subjects are considered. There are conclusions on specificity of religious education, influence of education on trainees' formation mentality formation.

Keywords: education, worldview, factors of worldview formation, motivation for training, education system.

Концепция картины мира, сформулированная более ста лет назад во Франции [1], актуализированная затем в Америке [2], обладает широким исследовательским потенциалом. Философы и лингвисты, как в Европе, так и в России, оперируют понятиями «факторы

* Подготовлено по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН № 29 «Историко-культурное наследие и духовные ценности в России»; при поддержке гранта РГНФ № 11-11-54002а «Католическая церковь в многонациональной Сибири XIX–XX вв.: уроки истории».

картины мира», «образы картины мира» и т. д. [3 и др.], преследуя цель создания целостного представления об указанном социоментальном явлении и уделяя при этом значимую роль элементам рефлексии. Концепция картины мира, на наш взгляд, - подходящий инструмент для создания комплексного портрета локального сообщества единоверцев (людей, объединенных общей религиозной и культурной традицией, условиями проживания). Вслед за некоторыми философами [4] мы стремимся показать взаимосвязанность структурных единиц в составе комплексного явления [5]. Одним из самых значимых в ряду факторов формирования картины мира, наряду с социальной адаптацией, экономической интеграцией в принимающее сообщество и прочими, является образование. Применительно к объекту нашего исследования (католические общины Сибири рубежа XIX–XX вв.) важно следующее утверждение: школа не только обучала грамоте и давала основы религиозных знаний, но в условиях иноэтничного окружения была важным инструментом сохранения родного языка, национальных традиций.

Осознание образовательного компонента в качестве необходимого фактора формирования религиозной картины мира с достаточной глубиной мотивации демонстрировалось самими католиками-сибиряками. «Молодежь растет без воспитания в духе нашей веры», и есть опасение, что «в конце концов из такового населения вырождаются дикари, не знающие, какого они вероисповедания», – тревожились, например, в 1910 г. жители немецких поселков Келлеровка и Мариенбург Акмолинской области [6, л. 8–8 об.]. Осознавали проблему и клирики. Так, настоятельную необходимость школьного обучения детей переселенцев-агров католического исповедания акцентировал епископ Иоанн Цепляк в докладе министру внутренних дел Российской империи по результатам своей инспекторской поездки в мае 1909 г. [7].

Нередко у католиков в Сибири школа и молитвенный дом находились под одной крышей, но в официальной статистике фигурировал только один объект. Что фиксировать – училище или костел, католики решали в зависимости от степени лояльности местной администрации и материальных возможностей членов общины, жителей поселения. По существу, происходило отождествление в картине мира двух функций костела: образовательной и литургической. Статистический учет таким образом искажался, однако при проведении подворных обследований в 1899 г. поселяне-католики единодушно утверждали, что у них «учатся все дети» школьного возраста [8, с. 3, 10–11 и др.]. Таким образом, конфессиональные школы функционировали практически в каждом пункте, населенном католиками.

Следование религиозной традиции западного христианского направления – католического или лютеранского – невозможно без чтения богослужебной литературы: обряд римско-католической литургии проводится по специальным богослужебным книгам – миссалам, алтарикам, часословам, неумение прочесть которые всегда вызывало удивление и осуждение (здесь мы видим влияние образовательной функции на процесс социализации личности, расширение границ картины мира). Немецкая национальная школа в Сибири (и католическая, и протестантская) часто объединялась с церковью не только в одном здании, но и в сознании людей. Главная тому причина: в отсутствие священнослужителя учитель

исполнял одновременно и обязанности настоятеля: читал воскресную проповедь, вел записи в метрических книгах, собирал и хранил сельскую библиотеку.

В отличие от сельских конфессиональных школ, учреждавшихся и функционировавших на средства прихожан, аналогичные городские школы требовали более серьезного организационного оформления. Сибирь, как и вся территория Российской империи, входила в состав Могилевской римско-католической архиепархии. 14 декабря 1907 г. Стефан Денисевич, архиепископ Могилевский, обратился к министрам внутренних дел и народного просвещения России, прося разрешения учреждать лицам католического исповедания свои приходские училища, «в коих католическая молодежь могла бы получать начальное образование и надлежащее религиозное воспитание». Денисевич мотивировал недостаточность знаний, получаемых в имеющихся школах, тем обстоятельством, что римско-католические законоучители в православные церковноприходские школы (ЦПШ), где обучаются и католики, «не допускаются, вследствие чего дети-католики должны, по недостатку учебных заведений, или вовсе отказаться от школьного образования, или же, обучаясь в православной ЦПШ, оставаться без религиозного воспитания в духе их веры» [9, д. 486, л. 138]. Ходатайство было оставлено без удовлетворения, так как статс-секретарь П. А. Столыпин выразил опасение, что «разрешение, в виде общей меры, устройства проектируемых римско-католических учебных заведений может дать толчок к покрытию нашей западной окраины сетью конфессиональных школ, которые, подобно бывшей Школьной матице в Царстве Польском («Polska Macierz szkolna» – культурно-просветительское общество, существовавшее в 1905–1907 гг. – В. З., Т. Н.), поставят себе целью отвлечение детей от русских правительственных школ» [9, д. 487, л. 31]. Согласно установкам имперской власти, система ценностей в картине мира инославных христиан не должна была слишком сильно отличаться от доминировавших в российском социуме православных ценностей.

В Сибири, где более 90 % населения было православным, подобные опасения имели под собой гораздо меньше оснований, чем в западных губерниях страны. Поэтому администрация достаточно лояльно относилась к существованию с конца XIX столетия в городах Барнауле, Новониколаевске, Омске, Тобольске, Томске либо «католических школ при приходе для детей польской национальности», либо «начальных училищ римско-католических благотворительных обществ». Лояльное отношение, впрочем, не распространилось на Восточную Сибирь: при сплошном погодичном просмотре «Памятных книжек» Енисейской и Иркутской губерний, Забайкальской области нам не удалось встретить упоминаний об учебных заведениях, аналогичных упомянутому западносибирским. Возможно, причина здесь в том, что на востоке Сибири была поселена основная масса репрессированных участников польского восстания 1863–1864 гг.; они, а также их дети и внуки требовали, по мнению правительства, жесткого идейно-политического и социокультурного контроля. Впрочем, зная о существовании польских благотворительных обществ в Иркутске и Красноярске, мы можем предположить наличие и «школ при приходе», однако предположение не есть констатация факта. Менталитет и картина мира детей в семьях восточносибирских «повстанцев»-католиков, несомненно, формировались

под влиянием мировоззрения родителей и ближайшего окружения семьи; частными учителями нередко были также ссыльные [10].

После революции 1905–1907 гг. при крупных католических приходах Западной Сибири начали действовать школы на польском языке. Примечательно, что все они вплоть до 1917 г. относились к ведомству Министерства народного просвещения, к разряду «городские приходские училища». Представляет интерес более детальное знакомство с этими учебными учреждениями в сибирских городах.

В Тобольске такая школа открылась в 1900 г., именовалась она «училищем при римско-католическом костеле». Здание школы начали возводить одновременно с новым зданием костела по ул. Кузнечной, дом 13. «Памятные книжки Тобольской губернии» донесли до нас имена учительниц. В 1910 г., например, преподавали Антонина Флавиановна Дроздовская и Б. Р. Зброжек [11, с. 207]. В Новониколаевске такая школа располагалась в самом центре города, в доме 2 по ул. Иркутской, и официально именовалась «школой при римско-католическом костеле». Известны имена Зои Сергеевны Короповской и Марии Кудельской, прихожанок этого костела, входивших в 1909 г. в преподавательский состав школы [12, д. 1502, л. 125]. Справочник-указатель «Весь Омск» сообщает в 1913 г. о «начальном училище польского благотворительного общества» по ул. Новой (ранее ул. Костельная), в доме 10. Преподавательский состав училища – также прихожане: Кошарская Люция Иосифовна, Стржельбицкая Мария Феликсовна, Томчик Теофилия Фаддеевна, Щепановская Жозефина, Яздовская Ванда Иосифовна [13, с. 43]. Наконец, наиболее известное из всех Томское «училище для детей римско-католического исповедания», по сведениям 1900 г., также располагалось в здании, принадлежавшем общине верующих католиков по адресу: ул. Ефремовская, дом 4. Здесь преподавали М. И. Верум-Ковальский и Камилла Томашевская [14, с. 28–29]. Перечисленные учебные заведения существовали исключительно за счет частных средств: взносов благотворительных обществ, личных пожертвований граждан. Содержание такой школы в среднем требовало 1500 р. в год [15, с. 66]. Количество учебных мест колебалось от 25 в Тобольске до 81 в Омске [15, свед. № 20; 16, л. 165].

Все указанные выше учебные заведения существовали на легальных основаниях. Нежелательных инцидентов ни с государственными структурами, ни с православной иерархией не возникало по той простой причине, что в школах обучались только дети из католических семей, преподавателями также были единоверцы-католики. Налицо круг тех, кто непосредственно участвовал в формировании религиозной картины мира: учредители из числа благотворителей-прихожан, учителя, родители учащихся. Все они были, кроме того, заинтересованы в качественном образовании, как конфессиональном, так и фундаментальном, классическом.

После Первой российской революции 1905–1907 гг. преподавание Закона Божьего римско-католического исповедания, наряду с другими христианскими инославными вариантами, стало практиковаться не только в национальных и конфессиональных училищах, но и в иных общеобразовательных и специальных учебных заведениях империи, в том числе в Сибири. Материалы инспекторской проверки 1909 г. по Могилевской архиепархии отложились в фондах Национального архива Республики Беларусь, результаты

проверки, в частности, выявили следующее. Учебными заведениями, в которых преподавался Закон Божий римско-католического исповедания, в Томской губернии являлись губернские мужская и женская гимназии, частная гимназия и реальное училище в Томске, городское четырехклассное училище и женская гимназия в Каинске, женская гимназия, реальное училище, мужская и женская железнодорожные школы в Новониколаевске. В Тобольской губернии это были женская и мужская гимназии в Тобольске, городское училище и женская гимназия в Кургане, женская гимназия, реальное училище, Николаевское приходское училище в Тюмени. В Акмолинской области – две женские гимназии, мужская гимназия, кадетский корпус, железнодорожное училище в Омске. Учителями Закона Божьего во всех перечисленных учебных заведениях являлись священнослужители римско-католического исповедания из соответствующих населенных пунктов [12, д. 1504, л. 105, 138, 195, 320, 322, 328].

Попечитель Западно-Сибирского учебного округа 11 февраля 1900 г. определил условия функционирования частных начальных училищ при местных костелах, а также преподавания Закона Божьего католического исповедания в иных образовательных учреждениях: «1) программа обучения (учебный курс) в открываемых учебных заведениях должна была соответствовать курсу начальных народных училищ; 2) обучение предназначалось для приходящих детей обоего пола римско-католического исповедания; 3) возраст учащихся должен был составлять 7–12 лет, при совместном обучении девочек и мальчиков следовало размещать на разных скамьях» [16, л. 164]. Учитель или учительница должны были назначаться директором народных училищ непременно из лиц, имевших учительское звание, по представлению правления благотворительного общества. Снабжение училищ мебелью, учебными и наглядными пособиями руководители учебного округа всецело поручали правлениям благотворительных обществ при католических приходах. В обязанность этих обществ вменялось также следить за соответствием программы изучаемого курса и используемых учебников стандартам, одобренным учебным комитетом Министерства народного просвещения [16, л. 164–165].

Необходимо отметить, что администрация Западно-Сибирского учебного округа прислушивалась к просьбам учредителей. По ходатайству правления Тобольского католического благотворительного общества в здешней гимназии в мае 1900 г. была изменена учебная программа и увеличено количество часов на изучение польского языка, так как подавляющее большинство гимназистов было из польской среды, и свой язык – основу, «матрицу» национальной и конфессиональной картины мира – они хотели бы знать лучше. В скорректированной программе из 24 еженедельных уроков на Закон Божий отводилось 5 (вместо стандартных шести), на русский язык – 6 (вместо положенных по правилам восьми), на старославянский – 2 (вместо трех), на польский язык – 5, на арифметику – 4, на чистописание – 2 [16, л. 1–4].

Организация конфессионального образования имела легитимный фундамент, что придавало устойчивость системе картины мира сибирских католиков. Закон Божий католического исповедания преподавался в учебных заведениях России по программе, выработанной специальной комиссией Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел в 1888 г. В частности, эта программа гласила,

что преподаванию подлежат: «а) в I, II, III, IV классах – Священная история Ветхого и Нового завета по учебнику Шустера, переведенному на русский язык действительным статским советником Гезеном, в полном его объеме; кроме того, в I и II классах изучаются молитвы: «Отче наш», «Богородице Дева», перед и после учения, перед и после обеда, утренняя («К Тебе, Владыко, человеколюбче»), вечерняя («Господи Боже наш»), за царя и Отечество – «Спаси, Господи, и Благочестивейшего, Самодержавнейшего»; б) в V классе – из катехизиса учение о вере; в) в VI классе – учение о надежде и любви и г) в VII классе – учение о таинствах и богослужении римско-католической церкви» [9, д. 262, л. 136]. Молитвы следовало изучать по «Римско-католическому алтарику», изданному в Вильнюсе книгопродавцем Сыркиным [там же, л. 137]. Соответствие содержания обучения указанному стандарту отслеживалось Департаментом полиции Министерства внутренних дел, циркуляры соответствующего содержания направлялись Департаменту духовных дел инославных исповеданий [9, д. 486, л. 114, 118, 138, 140].

Проведенный нами анализ позволяет сделать ряд выводов. Религиозная традиция осознавалась католиками Сибири как часть национальной культурной традиции. Соответственно, религиозное образование служило инструментом формирования национальной и конфессиональной идентичности. Идентификатором принадлежности к социуму выступало, в числе первых, знание грамоты на родном языке и умение принять участие в «своем» конфессиональном богослужении. Методами приобщения к родной культуре становились изучение языка, традиций, в том числе религиозных. Образование выполняло функцию одного из факторов формирования картины мира. В соответствии со стремлением сохранить национально-конфессиональную идентичность и присущие ей мировоззренческие черты, родители подрастающих учеников стремились воссоздать в Сибири систему образования, аналогичную привычной для них польской или немецкой. В процессе образовательной деятельности формировались ценностные ориентации обучаемых, их собственная картина мира. Так как субъектами процесса обучения выступали как учащиеся, так и учителя – прихожане той же общины, то обмен знаниями происходил в рамках единого мировоззренческого пространства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гуревич А. Я.** Уроки Люсьена Февра // Февр Л. Бои за историю. – М. : Наука, 1991. – С. 501–541. – (Памятники исторической мысли).
2. **Redfield R.** The Little Community : Viewpoints for the Study of a Human Whole. – Uppsala ; Stockholm : Almqvist and Wiksells, 1955. Цит. по: Возникновение концепции «картины мира» [Электронный ресурс]. URL: <http://ethnopsychology.narod.ru/study/history/worldview.htm> (дата обращения: 27.06.2009).
3. **Крылов Ю. В.** Объем понятия «гнев» в научной и наивной картинах мира // Проблемы интерпретационной лингвистики: взаимодействие языковой категоризации и творческой активности личности. – Новосибирск : Новосиб. гос. пед. ун-т, 2002. – С. 20–29.
4. **Кругликов В. А.** Пространство и время «человека культуры» // Культура, человек и картина мира. – М. : Наука, 1987. – С. 167–197.

5. **Недзелюк Т. Г.** Реализация образов картины мира в повседневной жизни инославных христианских общин Сибири XIX – начала XX в.: магистральные подходы в методологии изучения темы // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – № 4/3. – С. 175–178.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 826. – Оп. 1. – Д. 1825.
7. *Wizytacje duszpasterskie księdza biskupa Jana Cieplaka // Kościół w Rosji i na Białorusi w relacjach duszpasterzy (1892–1926).* – Kraków : Wydawnictwo SCJ, 1999. – S. 99–122.
8. **Кулижнов М.** Начальная школа в Акмолинской обл. // Записки Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества. – 1899. – Кн. 26. – С. 1–14.
9. РГИА. – Ф. 821. – Оп. 125. – Д. 262, 486, 487.
10. **Ручинский Ю.** Конарщик, 1838–1878 : воспоминания о сибирской ссылке // Воспоминания из Сибири : мемуары, очерки, дневниковые записи польских политических ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия. – Иркутск : Артиздат, 2009. – С. 325–476.
11. Памятная книжка Тобольской губ. на 1910 г. – Тобольск : Изд. Губ. стат. ком., 1910. – 321 с.
12. Национальный исторический архив Белоруссии. – Ф. 1781. – Оп. 26. – Д. 1502, 1504.
13. *Весь Омск : справочник-указатель на 1913 г.* – Омск : Изд. Акмол. обл. стат. ком., 1913. – 164 с.
14. **Семенова И.** Благотворительное общество // Сибирская старина. – 1997. – № 12. – С. 28–29.
15. *Весь Омск : справочник-указатель на 1911 г.* – Омск : Изд. Акмол. обл. стат. ком., 1911. – 178 с.
16. Государственный архив в г. Тобольске. – Ф. 483. – Оп. 1. – Д. 11.